

Люси Мод Монтомери

АНЯ
из ЗЕЛЁНЫХ
МЕЗОНИНОВ

Художник Мария Рязанцева

«МАЛЫШ»

2018

Посвящается памяти моих отца и матери

Добрые звезды в твоём гороскопе:
Вся ты — и дух, и огонь, и роса.

Браунинг

Глава 1

Миссис Рейчел Линд удивляется

Дом миссис Рейчел Линд стоял в том месте, где широкая дорога, ведущая в Авонлею, ныряла в небольшую долину и где ее пересекал ручей. В лесной чаще, в начале своего течения ручей был своевольным и бурливым, но, добравшись до дома миссис Линд, превращался в спокойный, благовоспитанный поток, потому что даже ручей не мог протекать под взглядом миссис Линд без соблюдения приличий.

Много есть людей, как в Авонлее, так и за ее пределами, которые любят заниматься делами соседей, упуская при этом из виду свои собственные. Но миссис Рейчел Линд принадлежала к тем одаренным особам, которые, питая живой интерес к делам ближних, прекрасно управляютя и со своими. И вдобавок у нее хватало времени, чтобы сидеть часами возле окна своей кухни с вязаньем и наблюдать за дорогой. Так как Авонлея занимала маленький полуостров, выступавший в залив Святого Лаврентия, всякий, кто направлялся в эту деревню или из нее, должен был пройти по этой дороге и предстать пред всевидящим оком миссис Линд.

Как-то раз вечером в начале июня миссис Линд с вязанием в руках безмятежно сидела у окна в сияющей чистоте

той кухне. Сад, раскинувшийся на склоне холма за домом, стоял в чудесном подвенечном наряде бледно-розовых цветов, над которыми с жужжанием вились пчелы.

Внезапно необычное зрелище заставило миссис Линд опустить спицы: по дороге с холма неспешно катил соседский кабриолет, запряженный гнедой кобылой. Мэтью Касберт, известный домосед и на редкость застенчивый человек, выезжал куда-то из Авонлеи! И это в половине четвертого, в будний день, когда все в деревне сеют репу! И что еще удивительнее — на Мэтью был его лучший костюм и белый воротничок! Куда же это Мэтью Касберт отправился? Если бы ему не хватило семян и пришлось за ними поехать, он не стал бы наряжаться и брать кабриолет. Поехал за доктором? Вряд ли. Слишком уж медленно он ехал.

Миссис Линд долго размышляла, но так ни к чему и не пришла.

— Прямо загадка! Придется сходить в Зеленые Мезонины и узнать у Мариллы, куда он поехал и зачем.

Зеленые Мезонины стояли у самого леса, в стороне от дороги, вдоль которой дружно расположились все остальные домики Авонлеи. Миссис Линд энергично постучала и, услышав «войдите», вошла. Марилла, сестра Мэтью, сидела у стола и вязала.

Миссис Линд сразу заметила, что стол накрыт к чаю и на нем три прибора. Марилла, должно быть, ожидала, что кто-то приедет вместе с Мэтью. Но посуда была будничная, в вазочке — только яблочное повидло, на блюде — один вид печенья, так что ожидаемый гость вряд ли был важной особой.

— Добрый вечер, Рейчел, — сказала Марилла оживленно. — Садись, пожалуйста. Как там все ваши поживают?

Марилла была высокая худая женщина с фигурой из одних углов, без всяких изгибов. Ее темные с проседью волосы были свернуты в твердый узел на затылке и безжалостно проткнуты двумя металлическими шпильками. Она производила впечатление женщины не слишком широких взглядов, но с суровой совестью.

— У нас все здоровы, — сказала миссис Линд. — Я испугалась, не заболел ли у вас кто-нибудь, когда увидела Мэтью в кабриолете. Я подумала, не поехал ли уж он за доктором.

— Нет, я здорова, — ответила Марилла. — Мэтью поехал на станцию в Брайт-Ривер. Мы берем на воспитание маленького мальчика из сиротского приюта. Он приезжает вечерним поездом.

Миссис Линд изумилась не меньше, чем если бы Марилла сказала, что Мэтью поехал на станцию, чтобы получить кенгуру, присланного из Австралии.

— Ты это серьезно, Марилла?

— Разумеется, — отвечала Марилла, как будто брать мальчиков из сиротского приюта входило в число обычных весенних работ на каждой авонлейской ферме.

— Да как вам пришло такое в голову? — спросила миссис Линд с неодобрением в голосе.

— Мы думали об этом всю зиму, — ответила Марилла. — Перед Рождеством у нас в гостях была миссис Спенсер. Она сказала, что весной собирается взять на воспитание маленькую девочку из приюта в Новой Шотландии. С тех пор мы с Мэтью много об этом говорили и решили, что возьмем мальчика. Мэтью уже за шестьдесят, и сердце у него не совсем в порядке. Ему нужен помощник. Так что мы решили, что попросим миссис Спенсер выбрать для нас мальчика, когда она поедет, чтобы взять девочку для себя. На прошлой неделе мы узнали, что она уже едет, и через семью Роберта Спенсера в Кармоди попросили привезти нам мальчика лет десяти-одиннадцати. Он будет помогать по хозяйству, а мы обеспечим ему хороший дом и дадим образование.

— Ну, Марилла, я прямо тебе выложу, что думаю. Вы делаете ужасную глупость! Взять в свой дом чужого ребенка, не зная ничего ни о его родителях, ни о том, каким

он может вырасти. Вот только на прошлой неделе я читала в газете, как один фермер с женой взяли мальчика из приюта, а он поджег ночью их дом и чуть не спалил их дотла прямо в постелях. Если бы вы спросили моего совета, я сказала бы: даже не думайте об этом!

— Не спорю, Рейчел, в том, что ты говоришь, много правды. У меня самой есть кое-какие сомнения. Но Мэтью ужасно привязался к этой мысли. Он так редко чего-нибудь хочет, что, когда это случается, я всегда иду ему навстречу. Ну, а риск есть и тогда, когда люди заводят своих собственных детей — тоже неизвестно, что из них вырастет.

— Надеюсь, все будет хорошо, — сказала миссис Линд. Судя по ее тону, она сильно в этом сомневалась. — Но не говори потом, что я тебя не предупреждала, если этот приютский ребенок устроит пожар или насыплет яду в колодец — я слышала, было и такое... вся семья скончалась в ужасных мучениях... только в том случае это была девочка.

— Ну, мы же берем не девочку, — сказала Марилла, как будто отравление колодцев было чисто женской специальностью.

— Ну и ну! Прямо как во сне! — бормотала миссис Линд, удаляясь по тропинке от Зеленых Мезонинов. — Жаль мне этого бедного мальчугана. Мэтью и Марилла ничего не знают о детях и захотят, чтобы он оказался умнее и степеннее его собственного дедушки. Не хотела бы я оказаться на месте этого сироты!

Глава 2

Мэтью Касберт удивляется

Мэтью наслаждался поездкой. Ее портили только те минуты, когда ему приходилось кланяться женщинам, встречавшимся ему по дороге.

Мэтью боялся всех женщин, кроме своей сестры Мариллы и миссис Линд. Ему всегда казалось, что эти непонятные существа втайне смеются над ним. Он не был далек от истины, так как внешность его была довольно странной — нескладная фигура, пышная борода и длинные с проседью волосы, падающие на сторбленные плечи.

Когда Мэтью добрался до станции, никакого поезда не было видно. Он решил, что приехал слишком рано. Платформа была пуста, и лишь в ее конце на сложенных штабелями досках сидела девочка. Мэтью бочком проскользнул мимо нее, стараясь даже не глядеть в ее сторону, подошел к начальнику станции и спросил, скоро ли придет поезд, который должен был прибыть в пять тридцать.

— Он уже пришел и ушел полчаса назад. Но здесь есть пассажир, которого высадили и который ждет вас, — маленькая девочка. Она сидит вон там на досках. Я предложил ей пройти в зал ожидания, но она заявила, что на открытом воздухе «больше простора для воображения».

— Я не жду никакой девочки, — сказал Мэтью беспомощно. — Миссис Спенсер должна была привезти для нас мальчика.

Начальник станции присвистнул.

— Тут какая-то ошибка. Думаю, вам лучше расспросить девочку. Она сумеет все объяснить — язык у нее хорошо подвешен.

С этими словами он запер билетную кассу и поспешил домой к ужину, а несчастный Мэтью остался, и предстояло ему сделать то, что было для него хуже, чем войти в логово льва: подойти к незнакомой девочке и спросить у нее, почему она не мальчик. Мэтью внутренне застонал и медленно, шаркающей походкой направился к ней.

Она не отводила от него глаз с той самой минуты, как он прошел мимо нее. Сам Мэтью старался на нее не смотреть, но если бы взглянул, то увидел бы худенькую девочку лет одиннадцати, одетую в тесное, некрасивое желтое платье из жесткой ткани и выцветшую матросскую шляпу, из-под которой на спину ложились две толстые косы, рыжие, как огонь. Личико у нее было бледное, веснушчатое, с широким ртом и большими серо-зелеными глазами. Вряд ли Мэтью увидел бы что-либо еще, но тот, кто взгляделся бы повнимательнее, заметил бы, что подбородок у нее решительный, глаза полны живости, рот — красиво очерченный и выразительный, лоб — широкий и умный... Короче, более внимательный человек мог бы сделать вывод, что незаурядная душа обитает в теле этого бедного, заброшенного существа, которого робкий Мэтью так нелепо боялся.

Мэтью, однако, был избавлен от тяжелой необходимости заговорить первым: как только девочка поняла, что он направляется к ней, она встала, одной рукой подхватила свой потертый саквояж, а другую протянула ему и сказала звучным, приятным голосом:

— Вы мистер Мэтью Касберт? Очень рада вас видеть! Я уже начала бояться, что вы не приедете за мной, и пыталась вообразить все, что могло вас задержать. Я решила, что, если вы не приедете сегодня, я пройду по шпалам до той большой цветущей дикой вишни на повороте, влезу на нее и так проведу ночь. Было бы прелестно спать среди белых цветов и в лунном сиянии, правда? И я была уверена, что вы приедете за мной завтра утром, если не сможете приехать сегодня.

Мэтью неуклюже пожал ее маленькую руку и в ту же минуту решил, что делать. Он не может сказать этому ребенку с сияющими глазами, что произошла ошибка. Он возьмет ее домой и предоставит Марилле сделать это. В любом случае девочку нельзя оставить одну на станции.

— Извини, что я опоздал, — сказал он робко. — Пойдем. Лошадь там, возле изгороди. Давай мне твой саквояж.

— Нет-нет, я сама его понесу. В нем все мое земное имущество, но он совсем не тяжелый. Нам далеко ехать, да? Миссис Спенсер сказала — восемь миль. Я очень люблю ездить. Как это чудесно, что теперь я буду ваша! Я всегда была ничья. Но приют оказался хуже всего. Там так мало простора для воображения... разве что другие сироты. По ночам я часто не спала и воображала — например, что девочка на соседней кровати, на самом деле дочь какого-нибудь графа, украденная в младенчестве у родителей злой нянькой, которая умерла прежде, чем успела признаться в своем преступлении...

Тут спутница Мэтью умолкла, отчасти потому, что запыхалась, а отчасти потому, что в этот момент они остановились у кабриолета. Она не проронила ни слова, пока они отъезжали от станции и спускались с крутого холма. Дорога здесь так глубоко врезалась в мягкий грунт, что края ее, поросшие цветущими дикими сливами, поднимались над головами едущих.

Девочка протянула руку и отломилась усыпанную цветами ветку, задевшую бок кабриолета.

— Правда, красиво? Что вам напоминает это дерево, склонившееся к дороге, все белое и кружевное? — спросила она.

— Мм... не знаю, — сказал Мэтью.

— Конечно же невесту — всю в белом и под вуалью. Я никогда не видела невесту, но могу вообразить, что имен-

но так она выглядит. Вряд ли я когда-нибудь стану невестой. Я такая некрасивая, что никто никогда не захочет на мне жениться. Но надеюсь, когда-нибудь у меня будет белое платье. Это мое представление о вершине земного блаженства. У меня никогда не было красивого платья... но зато есть чего ждать от жизни, правда? Впрочем, я всегда могу вообразить, что великолепно одета. Сегодня утром, когда я уезжала из приюта, мне было так стыдно, потому что пришлось надеть это ужасное платье. Там всем сиротам приходится носить такие. Один торговец прошлой зимой пожертвовал приюту несколько рулонов этой ткани. Многие говорили, что он просто не смог ее продать, но я предпочитаю верить, что он сделал это от чистого сердца, а вы как думаете? Когда мы сели в поезд, у меня было такое ощущение, будто все смотрят на меня с жалостью. Но я тут же вообразила, что на мне красивейшее платье из бледно-голубого шелка, большая шляпа в цветах и с перьями, золотые часики, тонкие кожаные перчатки и туфельки. Я сразу почувствовала себя счастливой и наслаждалась этой поездкой на остров всем своим существом... Ах, сколько деревьев, и все в цвету! Я и раньше слышала, что остров Принца Эдуарда – самое красивое место на свете, и часто воображала, что живу здесь. Восхитительно, когда то, что воображаешь, становится реальностью, правда?.. Какие странные эти красные дороги! Я спросила миссис Спенсер, почему они красные, а она сказала, что не знает и чтобы я не задавала ей так много вопросов. Но как же хоть что-то узнать, если не задавать вопросов? А почему эти дороги красные?

– Мм... по правде сказать, не знаю, – признался Мэтью.

– Что ж, это еще один вопрос, на который предстоит когда-нибудь найти ответ. Как радостно, что еще много

всего предстоит узнать! Мир не был бы таким интересным, если бы мы уже все обо всем знали, правда? Тогда не было бы простора для воображения. Но может быть, я слишком много говорю? Мне всегда делают замечания. Вы хотите, чтобы я молчала? Я могу, хотя это трудно.

Мэтью, к своему большому удивлению, чувствовал себя прекрасно. И хотя ему было довольно трудно поспевать за полетом ее мысли, он подумал, что ему, «похоже, нравится ее болтовня», а потому сказал, как всегда робко:

— Говори сколько хочешь. Я не против.

— Ах, я чувствую, мы с вами подружимся! Это такое облегчение — говорить, когда хочется. Мне вечно напоминают, что детей лучше видеть, чем слышать. И еще смеются надо мной, потому что я употребляю возвышенные слова. Но если у вас возвышенные мысли, вам нужны возвышенные слова, чтобы их выразить, вы согласны?

— Мм... похоже, это оправданно, — согласился Мэтью.

— Миссис Спенсер сказала, что ваша ферма называется Зеленые Мезонины и дом со всех сторон окружен деревьями. Я так люблю деревья! В приюте росли только несколько хилых деревцев перед входом. Они сами выглядели как сироты, эти деревья. Мне всегда хотелось плакать, когда я на них смотрела... А есть ли ручей возле Зеленых Мезонинов?

— Да, ручей прямо за нашим двором.

— Жить возле ручья всегда было моей мечтой! Теперь я чувствую себя почти счастливой. Совершенно счастливой я быть не могу, потому что... вот, какого это цвета, что вы скажете?

Она перекинула вперед через худенькое плечо одну из длинных блестящих кос. Мэтью не привык судить об оттенках дамских локонов, но в этом случае сомнений быть не могло.